

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

*д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: СОДЕРЖАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ПРИЧИНЫ ИСЧЕРПАНИЯ (ЧАСТЬ 1)¹

Аннотация. Итоги посткоммунистической эволюции в Восточной Европе, начавшейся с крушения Берлинской стены и распада СССР, сегодня, 30 лет спустя, становятся предметом очень противоречивых дебатов. Растущее социальное разочарование, подъем консервативного популизма и отступление демократии во многих странах этого региона делает академические дебаты частью более широкой идеологической и политической борьбы за концепцию будущей Европы и место Восточной Европы в глобализирующемся мире. В центре этой проблематики находится переоценка посткоммунистического проекта — системы ценностей, принципов и норм экономической и политической трансформации в Восточной Европе, а также дорожной карты, использовавшейся элитами для восстановления политической легитимности и проведения реформ. Автор анализирует три главных аспекта этой темы: содержание посткоммунистического проекта как теоретической конструкции, эволюция его основных идей за прошедшее время, результаты его реализации — как позитивные, так и негативные. В первой части статьи рассмотрены более общие вопросы: содержание понятия посткоммунизма в текущих дебатах; посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа как глобальный регион в геополитической перспективе; механизмы и противоречия переходного периода; так называемые «демократические транзиты» и причины вариативности их результатов.

Ключевые слова: *посткоммунизм, Центральная и Восточная Европа, глобальный регион, транзит, отступление демократии, популизм, политические режимы, идеология, экономические и политические реформы, легитимность.*

JEL: A10, F02, F15, N20, P20.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10107.

По прошествии 30 лет со времени крушения коммунизма в Восточной Европе и России (1990 г.) посткоммунистический проект вызывает всё больше вопросов, а, по мнению некоторых наблюдателей, он потерпел фиаско. К настоящему времени стало ясно, что связывавшиеся с ним ожидания оказались чрезмерно завышенными, а его первоначально заявленные цели не обрели реальность в большинстве стран региона. Возникает вопрос: объясняется такой результат качеством самого проекта, особенностями социального контекста или ошибками его осуществления?

В современных условиях актуален спор по следующим проблемам: в чем аутентичный смысл посткоммунистического проекта; каковы пути его искажения за истёкший период; причины расхождения траекторий посткоммунистических стран и вариативность достигнутых результатов; чем объясняются дисфункции переходных процессов, выражаю-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. (№ проекта 20-01-006) и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

щиеся в сворачивании демократического вектора и возврате ряда стран к авторитаризму; в чем состоят социальные предпосылки популизма и евроскептицизма?

Предстоит выяснить, должна ли концепция посткоммунизма оставаться аналитической категорией или её следует заменить другой с учетом результатов переходного периода? Если признать, что этот период закончился, то каковы перспективы развития региона в условиях глобализации и растущего международного соперничества?

Посткоммунизм: содержание понятия в текущих дискуссиях

Посткоммунизм – понятие, имеющее разное содержательное наполнение в теоретических конструкциях, пространственном измерении и, особенно, в политических практиках [Медушевский, 2015]. Во-первых, это идеология или политическая система, возникшая на основе коммунизма, но отличная от него. Во-вторых, это культурная или политическая ситуация, последовавшая за периодом коммунистического правления и характерная преимущественно для региона Восточной Европы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В-третьих, это переходная модель общественного и политического устройства, противоречиво сочетающая элементы коммунистической и либеральной организаций. Такой противоречивый характер системы отражен и в её названии — «пост-коммунизм», происходящем от сочетания слов — post- + communism [Meaning of Post-communism]. Как и во многих других понятиях современной науки, включающих приставку «post» (например, постмодернизм, постиндустриальное общество, постправда и т.д.), данное понятие, в сущности, не дает целостного определения явления, указывая лишь на негативные признаки, отличающие его от предшествующего феномена — коммунизма.

Очевидно, что понятие «посткоммунизм» имеет исключительно западное происхождение и выражает преимущественно идеологические установки противников коммунизма. С позиций марксистской теории коммунизм в его идеальном понимании вообще не стал реальностью нигде, даже в СССР, где говорилось лишь о предварительной стадии его построения — так называемом «развитом социализме». В этом смысле понятие коммунизма выражает ситуацию «реального социализма», причём может получать различные интерпретации — идеологические, политические, инструментальные. С позиций марксистской идеологии единства также нет — исследователи насчитывают несколько десятков концептуальной расшифровки данного понятия. В западном мейнстриме под «коммунизмом» понимается скорее историческая реальность стран, объявивших своей целью его построение. Соответственно, понятие «посткоммунизм» означает не что иное, как политические режимы, отказавшиеся от этой легитимирующей основы, приняв в ее качестве идеологию и ценности либеральной демократии. В то же время сам процесс перехода шел спонтанно — начался с согласия руководства СССР, сопровождался поиском оптимальных моделей, но привел к расколу советской элиты и крушению СССР [Горбачёв, 2018], — процессу, который сейчас получает противоположные оценки как в России, так и в самих посткоммунистических странах [Медушевский, 2019]. Для стран, сохраняющих коммунистическую идеологию (как Китай) или западных некоммунистов, понятие «посткоммунизм» имеет иной смысл или вообще неприемлемо. В данной статье я буду руководствоваться магистральным понятием посткоммунизма, имея, однако, в виду все указанные нюансы его интерпретации.

Посткоммунизм конструировал идеологию своего проекта, исходя из последовательного отрицания всех основополагающих параметров коммунистического проекта, тем самым зеркально отображая их (в перевернутом виде). Идеологии коммунизма он противопоставлял либерализм, государственной собственности и централизованной плановой экономике — частную собственность и рынок, однопартийной системе власти — многопартийность. Траектория решения проблемы была проста и включала схожие действия

в обратном направлении: установление работающего демократического режима; трансформацию государственно контролируемой экономики в рыночную; устройство эффективного государства, основанного на верховенстве права; воссоздание активного гражданского общества. Но эти цели были во многом несовместимы или противоречили друг другу, требуя разных временных и содержательных перспектив и порождая конфликты групп в обществе. Всё это — уже в начале трансформации — создавало основания для пессимизма, который получил дополнительные аргументы в последующий период.

Критика понятия посткоммунизма идет по ряду направлений. Во-первых, по-разному понимается его связь с коммунистическим проектом (и, следовательно, зависит от оценки последнего). Во-вторых, указывается на спорность охвата им очень разных стран и обществ, фигурировавших под наименованием «коммунистических» или «социалистических». В-третьих, подчеркивается выраженный европоцентризм данного понятия, являющегося продуктом классической либеральной идеологии, но не вполне чётко отражающим специфику процессов в регионе.

В *идеологическом измерении* понятие посткоммунизма используется для характеристики всех стран, где имел место коммунистический эксперимент, т.е. была представлена марксистская идеология, соответствующая этой идеологии социалистическая правовая семья и режим однопартийной диктатуры. На высшей стадии коммунизма (1970-е гг.) пространство влияния коммунистической идеологии охватывало (с разной степенью интенсивности) до половины населения земного шара. В узком смысле (более привычном сейчас) данное понятие относится к региону Восточной Европы и тем процессам, которые происходили в связи с крушением идеологии и политических режимов в странах региона в 1990-х гг. Сам термин возникает в начале 1990-х гг. для анализа социально-экономических и политических процессов в странах, входивших в «Восточный блок», и бывших республик СССР.

В *пространственном отношении* регион Центральной и Восточной Европы (далее — ЦВЕ) никогда не был географически чётко фиксированным и часто вызывал неоднозначные трактовки. Споры велись о том, как провести границы этого региона; входит ли в него Россия или иные постсоветские страны, каковы возможности его внутреннего разделения. В политическом отношении вопрос оказывается еще более сложным. В период холодной войны было более или менее ясно, что считать границами региона: в него входила территория государств, находившихся под контролем СССР. В настоящее время политическая интерпретация границ региона оказывается менее определенной. Представлены различные критерии его подразделения: разделяют Центральную и Восточную Европу, говорят о Северной части Центральной и Восточной Европы, Южной её части. В этом контексте обсуждается идея противопоставления «старой» и «новой» Европы. Выдвинута идея «Третьей Европы» — той её части, которая охватывает собственно постсоветское пространство и, несмотря на его территориальную и демографическую значительность, остается мало исследованной.

Хронологические рамки посткоммунизма определяют границы переходного процесса и его результаты. Одни исследователи рассматривают демократический транзит как кратковременный акт (непосредственный революционный переворот, приведший к власти демократические силы в 1990-е гг.), другие видят его как длительный процесс, включающий формирование основ гражданского общества и правового государства. В разное время выдвигались различные маркеры для определения границ переходного периода — формирование демократического сознания, экономическая реформа, завершение демократической консолидации, смена ряда электоральных циклов, вступление в ЕС и т.д. Вопрос о том, закончился или нет переходный период и насколько прочными оказались его результаты, имеет очевидную политическую составляющую: принять, что закончился — значит констатировать, что демократия победила (что в большинстве государств не очевидно); принять, что не закончился — значит согласиться с тезисом о незавершённости демократии или даже повороте вспять от неё. Проблема имеет и внешнеполитическое измерение:

для одних стран «транзит» закончился включением в Европу, для других — отказом от него или возникновением неопределённой ситуации (получением статуса государства — кандидата в члены ЕС с перспективой длительного стояния в очереди на прием). В связи с этим вопрос о прочности достигнутых результатов остаётся предметом полемики.

Смысл посткоммунистического переходного периода находит выражение в минималистской и максималистской трактовке транзита. Они представлены в типологии видов демократической консолидации, которая определяется как негативная и позитивная: первая основана исключительно на отрицании коммунизма; вторая — на создании гражданского общества и правового государства. Между ними есть качественное различие. В этом контексте реконструировалась логика переходных процессов. Констатируется, что вопрос не может быть решен однозначно для стран региона: в то время как одни считают демократический транзит бесповоротно завершённым, другие полагают, что он не состоялся из-за «предательства» демократической революции 90-х гг., продлится в будущем и может быть осуществлён революционным путем (точка зрения, усилившаяся благодаря неочевидности перспектив демократии в Восточной Европе).

В *семантическом отношении* эти трудности выражаются в неопределённости терминологии, описывающей проблематику посткоммунизма. После крушения СССР возникшее преобладание либеральной демократии как политического режима сопровождалось установлением доминирования либеральной идеологии как описательного языка. Это означает, что концепции социальных наук, разработанные для анализа политических систем западного типа, применялись к различным феноменам в освобожденных от коммунизма странах. Но язык либеральных демократий воспроизводит теоретическую неопределённость в отношении настоящего состояния посткоммунизма и существующих гибридных режимов.

Использование одних аналитических категорий для западных и посткоммунистических регионов, констатирует Б.Мадьяр, неизбежно имеет следствием концептуальные натяжки и несет массу скрытых допущений, многие из которых попросту не относятся к постсоветским странам. Также контекст, выраженный в языке, искажает попытки эмпирического анализа и сбора данных. Исходя из этого, предлагается развивать новые терминологические рамки, отказавшись от указанных презумпций и порождённой ими терминологической гибридологии [Magyar, 2018]. Масштаб терминологической корректировки видится значительным — следует изменить не только понятия, используемые для обозначения режимов, но и концептуально переустановить их компоненты.

Посткоммунистическая Восточная Европа — глобальный регион в геополитическом контексте

Глобализация и фрагментация международных отношений — основные конкурирующие тенденции в определении политики Европы как глобального региона. Констатируя текущий кризис ЕС, сторонники данного интеграционного проекта отвергают две крайние стратегии его развития — федералистов (выступающих за движение к единому федеративному государству) и евроскептиков (выступающих за дезинтеграцию), предлагая третий путь — эволюционной трансформации. Согласно этому взгляду, Европа станет гораздо лучше приспособленной к вызовам политической глобализации если решит проблемы, связанные с более интегрированной внешней политикой, отменной евро, более завершённым единым рынком и более выраженным трендом к реальной политике [Teschau, 2016]. В настоящее время, особенно после кризиса пандемии, процессы интеграции уступают позиции процессам фрагментации — обособлению регионов, одним из которых является ЦВЕ.

Переход от Европы ценностей к Европе интересов, предполагающий движение интеграционного проекта от идеализма к прагматизму, означает создание механизмов для продвижения общей воли европейских государств, несмотря на различие их позиций внутри ЕС. Констатируя падение роли Европы в международных отношениях, аналитики объясняют это сохранением разобщённости: ЕС не хватает единства в вопросах экономики, идентичности и внешней политики, поэтому он уступает США и Китаю. Выход из положения усматривается в обеспечении экономического роста, демократии и хорошем управлении (как основных конкурентных преимуществ ЕС) [*Europe and Globalisation*, 2013]. Но все они могут обрести действенность только с решением вопроса о разделенном суверенитете: соотношении его европейской, региональной и национальной составляющих (например, в форме многоуровневого конституционализма и управления). Многоуровневый конституционализм, однако, есть конструкция, вызывающая раскол позиций и, очевидно, она не может быть принята как единодушное решение. Принципиален вопрос, как выстраивание общеевропейского курса будет соотноситься с обеспечением интересов регионов и суверенитетом отдельных государств. При каких обстоятельствах интеграционный тренд будет поддержан всеми регионами, в частности Восточной Европой?

Восточная Европа, по мнению современных исследователей, выступает как самостоятельный «глобальный регион» — область пересечения глобальных, транснациональных, региональных и национальных интересов и прочих взаимодействий. В качестве области кросскультурного взаимодействия данный регион формирует свою собственную региональную идентичность, основой которой являются не только экономика, информационный обмен и управление, но и культура, включая, в частности, постсоветское прошлое, популистские движения и авторитаризм в транснациональном измерении [*Globalising Eastern Europe...*, 2019]. Именно культура, причём в самом широком понимании, становится ареной столкновения различных политических трендов, включая самоопределение региональных держав.

Вызовы глобализации для Восточной Европы не идентичны вызовам для Европы в целом [*Buksinski, Dobrzansky*, 2005]. По мнению критиков, ЕС — уже не вполне адекватная институциональная платформа, чтобы справиться с глобализацией. С одной стороны, он стал слишком большим и разделённым союзом, с другой — оказался не способен выработать единую культурную повестку, с третьей — представляет противоречивую политику в ряде ключевых областей (экономика, реформа трудового рынка, миграции и т.д.). Всё это создает проблемы для отдельных государств-членов [*Dale*, 2005].

Эти критические оценки иллюстрируются тем, что Восточная Европа думает о негативных сторонах глобализации для региона: надежды на экономический рост там сопровождались возникновением задолженности перед МВФ и западными банками; идея единства не исключала диспропорции субрегионов по уровню жизни (Центральная Европа живет лучше, чем Прибалтика или Восточная Европа); энергетическая безопасность обернулась зависимостью от внешних поставок; социальный пакет столкнулся с ограничениями, в частности, уровня медицинского обслуживания; свобода перемещения населения породила миграции, экспорт дешевой рабочей силы в другие страны ЕС, даже торговлю женщинами и преследование национальных меньшинств [*What Eastern Europe Thinks*, 2009]. Covid-19 только усугубил эти проблемы экономического неравенства субрегионов и дал их визуальное выражение.

Экономическое положение региона Центральной и Восточной Европы, оказавшееся чрезвычайно неустойчивым уже в результате кризиса 2008 г., активно обсуждалось в контексте глобальных и национальных стратегий выхода из него. Речь шла об общих параметрах развития (плановая экономика и переход к рынку), соотношении реального сектора экономики (производство, определяющее рост доходов населения) с номинальным (банковское регулирование и монетаристские стратегии), специфических трудностях региона

(отток капитала и инвестиций из развивающихся экономик в развитые в условиях кризиса), вопросах посткризисного урегулирования (понижение рисков и неопределенности, привлечение инвестиций и реформирование банковской системы, улучшение делового климата).

Экономическая модель ЕС, как считают региональные эксперты (например, М. Потучек), оказалась на распутье: эта модель стоит перед выбором между большим или меньшим экономическим регулированием, а также запросом более отсталых регионов на единую социальную политику. Это чрезвычайно конфликтная проблема, поскольку от её решения зависит степень единства социальных стандартов в ЕС, гарантии социальных прав, а в конечном счёте, единство и легитимность ЕС, ныне оказавшихся под угрозой [Potůček, 2018]. Поиск выхода усматривается некоторыми в гармонизированной европейской экономике, основанной на интеграции экономик отдельных регионов и стран, путем объединения их сравнительных преимуществ [Godnic, Vodopivec, 2017]. Но как быть с разделением убытков? Не требуется ли для этого более жесткая правовая система и создание единых централизованных механизмов регулирования?

Все это направление дебатов напоминает советские дискуссии о соотношении централизации и региональной экономической специфики. Господствовавшая ранее парадигма либертарианства (экономические теории Ф. Хайека и М. Фридмана), отрицавшая всякое регулирование рыночной экономики во имя спонтанной саморегуляции, свободы конкуренции и прав индивида, становится объектом критики с учетом внешних воздействий на страны региона со стороны мощных транснациональных институтов и других государств. В этом контексте обращают на себя внимание попытки переосмысления советской экономической политики в регионе, в частности предпринятых тогда мер адаптации экономики региона к вызовам глобализации. В этой логике неожиданно выяснилось, что в советский период проходила модернизация, способствовавшая вхождению этих стран в глобализацию, причём, согласно новейшим оценкам, она была довольно успешной. Установлено, во всяком случае, что экономические корни глобализации существовали ещё до 1989 г. [Besnik, 2018]. В этом качестве Восточная Европа — регион, осознающий общность постсоветских судеб и интересов, отличных от ведущих государств – создателей ЕС (прежде всего Германии и Франции). Как показал Брексит, опыт выхода одной из ведущих стран из ЕС, сепаратистский сценарий может стать реалистической альтернативой дальнейшим интеграционным тенденциям, в особенности, если не будет остановлен компромиссами Брюсселя с региональными элитами государств, вступивших в ЕС в новейшее время.

Парадоксальным результатом глобализации стал распад посткоммунистической Восточной Европы на отдельные субрегионы. Один из них представлен странами Вышеградской группы, хотя и здесь заметна дифференциация позиций [Шишелина, 2010]. Страны Юго-Восточной Европы после тяжёлых испытаний 1990-х гг. столкнулись с критической необходимостью реконструкции социально-политической повестки, соотносимой с их общим подходом и более широкой экономической политикой. Будучи, по признанию региональных аналитиков, отсталым субрегионом, они отстаивают необходимость вложений в человеческий капитал (образование, пенсионная реформа, социальное страхование и проч.), поскольку это источник консенсуса, стабильности и демократизации, а пренебрежение ими ведет к срыву стабильного развития, утрате достижений и оборачивается политическими издержками. Страны Балтии, ранее выигравшие от глобализации и евроинтеграции, теперь столкнулись с отчуждением в ЕС: данный субрегион, по признанию его представителей, оказался неспособен сформулировать общую позицию в отношении Европы, выступает пассивным наблюдателем изменений, на которые не может повлиять, а его голос оказался слишком слаб, чтобы его услышали другие акторы экономической политики [Ketels, Skilling, 2017]. Остается не ясно, кто должен платить за это выравнивание экономик европейских регионов: не станет ли поддержание общей стабильности ведущими экономиками формой дотаций отсталым регионам в ущерб темпам развития ЕС в целом?

В текущей политической обстановке государства региона Восточной Европы столкнулись с рядом новых трендов: растущей сдержанностью США, отсутствием внутреннего единства в ЕС и восстановлением российских геополитических амбиций. Они, по признанию экспертов на семинаре 2020 г., оказываются «зажаты» между Россией и ЕС. Восточная Европа, полагают они, должна быстрее сориентироваться, т.е. разработать особую политику, адекватную условиям глобализации, лавирования между этими центрами влияния в ключевых областях [*Eastern Europe and Globalization, 2020*].

Переходные процессы: механизмы и противоречия

Вызовом теории посткоммунизма стало принципиальное различие результатов переходного процесса, а сам факт этого различия ставит под вопрос изначальный смысл проекта, исходившего из линейности транзита и обусловленности его конечной стадии — торжества либеральной демократии. Четверть века спустя такой подход не может оставаться неизменным в силу появления в регионе «нелиберальных демократий» [*Fish, Gill, Petrovic, 2017*].

Переход к демократии, охвативший весь постсоветский регион, поставил проблему соотношения завышенных ожиданий и реальности. Эта тема присутствует в обобщающих трудах, суммирующих опыт и перспективы транзитов в ЦВЕ [*Maldini, Vidovic, 2007*]. Транзит выступал не только как экономика и политика, но прежде всего культура — система ценностей, имеющая свое содержание, механизмы репродуцирования и надежды по таким параметрам, как культура общества, власти и её выражение в эмансипации нации, национализме [*Kennedy, 2002*]. С позиций культуры протестного движения анализировались антикоммунистические выступления и формирование гражданской оппозиции, хотя и не всегда с чётким разделением либеральных, демократических и националистических параметров протестов. Приоритет отдавался базовым темам посткоммунизма — развитию гражданского общества, новых политических партий, экономическим реформам и фактору этнического разнообразия [*Gill, 2002*].

В этом контексте социология посткоммунизма и сравнительной демократизации вынуждена была соотносить экономические, национальные и политические факторы, определяющие развитие переходных процессов в разных странах и их итоги, не во всём позитивные [*Ekiert, Kubik, Vachudova, 2007*]. Обсуждение того, как политические, экономические культурные компоненты наследия влияют на посткоммунистические транзиты, привело к наблюдению о важности традиции — самого фактора наследия, который, как считает ряд исследователей, оказался более важен в объяснении результатов, чем институциональный выбор, внешние факторы и начальные электоральные позиции [*Pop-Eleches, 2007*]. Постсоветские режимы легитимировались целью построения рыночной экономики и демократии. Однако достижение цели, вопреки первоначальным завышенным ожиданиям, оказалось вовсе не гарантировано. Трудность согласования экономических и политических реформ стала наиболее ясным выражением степени готовности к трансформации. Некоторые государства ЦВЕ возникли впервые в истории и столкнулись с процессом выстраивания государственности, в других доминировали опасения, что крушение коммунизма усилит национализм, опасный для либерализации. Неудача или деформация транзитов с этих позиций означала возврат к исторической идентичности, отнюдь не всегда связанной с демократическими ценностями.

В центре внимания оказались механизмы, определяющие развитие демократического транзита и ключевые факторы, влияющие на его исход. В разное время перечень этих факторов и их роли менялись, что было связано с изменением концепции демократического транзита. Первоначально основная совокупность факторов определялась теми различиями, которые существовали между западным и постсоветским типами общества. Предполагалось,

что падение коммунизма автоматически означает признание демократических ценностей, создание новых политических институтов, проведение экономических и социальных реформ и развитие эффективного гражданского общества [Holmes, 1997]. С этих позиций на заре посткоммунистического проекта определялись критерии успешности транзитов к демократии в ряде стран ЦВЕ [Agh, 1998]. Велось обсуждение процессов 1990-х гг. — этнические вопросы, экономические, социальные последствия трансформации [Fowkes, 1999]. В дальнейшем акцент смещается на постановку общих проблем теории демократии, сравнительного исследования и вариативности факторов транзита. Были представлены попытки «переосмысления» общих теорий демократизации в их применимости к посткоммунистическим государствам, включая Россию [Bunce, 2003]. В настоящее время констатируется факт, что в изучении посткоммунистических режимов акцент исследователей сместился с изучения непосредственно коммунистического прошлого к сравнительному изучению с целью подчеркнуть факторы долговременной исторической преемственности [Ekiert, 2015].

Стержнем переходных процессов признавалось два фактора: рыночные реформы и построение демократии. На начальной стадии трансформации особенно актуальной была проблема соотношения экономики и политики в рамках демократического транзита. Одновременность экономических и политических реформ в Восточной Европе (отсутствовавшая в демократических переходах Южной Европы) ставила вопрос, не мешает ли одно направление другому: ответ включал разные позиции, но превалирующим стал тезис о том, что демократизация помогает рыночным реформам [Bartlett, 1997]. С этих позиций предметом рассмотрения стало формирование новой информационной и институциональной структуры рыночной экономики, сетей управления вопросами приватизации (например, в Чехии) [McDermott, 2003]. Эти исследования включали анализ более традиционных секторов экономики: изменения аграрного строя стран региона (Венгрии и Болгарии) в ходе отмены колхозов и формирования фермерства; трудности на этом пути [Meurs, 2001]. Сравнительный анализ рабочего движения и профсоюзов по посткоммунистическим странам выявил специфический фактор недоверия к профсоюзам как одну из причин слабости постсоветских рабочих движений [Kubicek, 2004]. Переход стран региона к рыночной экономике высветил тему приватизации как взаимодействия власти и формирующегося бизнеса, а в связи с этим — и роли государства в медиации между внутренними интересами и внешним давлением [Sznaider, 2016]. В целом удалось показать, как эти запросы новой экономики влияли на идеологию, законодательство и технологии посткоммунистических реформ. Однако исследователей ожидал неожиданный вывод: развитию систем демократического парламентаризма в ряде стран (в Венгрии и Польше) противостояли факторы религиозной и имперской истории, о которых не вспоминали на начальной стадии переходного периода, но воспроизводство которых оказалось возможным сегодня с опорой на традиционалистский экономический и политический менталитет. Это вновь заставляет задуматься, что вообще означает быть «постсоветским» человеком [Tiostanova, 2018].

Постепенно стала очевидна внутренняя противоречивость переходных процессов. Легитимирующей основой государств Восточной Европы постсоветского периода выступали три концепции: национального суверенитета (в виде унитарного государства), демократии (интерпретируемой как политический плюрализм и защита прав человека) и новой формы правления (в виде парламентской, смешанной парламентско-президентской или президентско-парламентской республики). Эти три компонента легитимирующей формулы неизбежно вступали в противоречие между собой: национальный суверенитет тяготел к этнической (и в ряде случаев этноконфессиональной) трактовке, что противоречило принципам демократии и защиты прав национальных меньшинств; демократия вступала в противоречие с авторитарной логикой политического режима, а последний стремился сохраниться путем ограничения национального и политического плюрализма и подавления оппозиции, используя для этого корректировки формы правления и институтов.

В результате завышенные ожидания периода либеральной трансформации сменились её пересмотром с позиций «реализма» на консервативной фазе.

Определение содержания переходных процессов включало циклическую эволюцию смысла теоретических конструкций, правовых норм, смену понятий и изменение их этимологии с течением времени. Первоначально из политической лексики ушел коммунизм (или социализм как его аналог) — он был заменен на посткоммунизм, а последний — сменён на демократический (посткоммунистический) транзит. Но понятие транзита также требовало уточнений: сначала оно использовалось в единственном числе (что предполагало единство процесса перехода от коммунизма к демократии), затем стало использоваться во множественном числе (что означало допущение различий). В рамках сравнительных исследований (написанных, в основном, десятилетие спустя) понятие транзита было конкретизировано с позиций вариативности, различия траекторий и результатов. Но все они по-прежнему имеют идеологический подтекст — деление всех транзитов на «успешные» или «провальные», исходящее из того, победила демократия или авторитаризм. Наконец, и сам «транзит» был забыт в угоду «идентичности», обретение которой демонстрирует, как мёртвый хватает живого на исходе посткоммунистического цикла. Об этом — во второй части статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачев М.С. (2018). В меняющемся мире. М.: АСТ.
- Медушевский А.Н. (2019). Политическая философия М. Горбачева и перспективы нового мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (132). С. 125–144.
- Медушевский А.Н. (2015). Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Шишелина Л.Н. (2010). Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. М.: Весь мир.
- Ágh A. (1998). *The Politics of Central Europe*. London: SAGE.
- Bartlett D.L. (1997). *The Political Economy of Dual Transformation: Market Reform and Democratization in Hungary*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Besnik P. (2018). *Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Bunce V. (2003). Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience // *World Politics*. Vol. 55. No. 2. Pp. 167–192.
- Dale H.S. (2005). Challenges Facing Europe in a World of Globalization // The Heritage Foundation. Report Europe (November 28, 2005). www.heritage.org/europe/report/challenges-facing-europe-world-globalization.
- Eastern Europe and Globalization (2020) // Information on conference – 2020. www.dwih-newyork.org/en/event/backlash-against-globalization.
- Eastern Europe and the Challenges of Globalization. (2005) / T. Buksinski, D. Dobrzanski (Eds.) Washington: The Council for Research in Values and Philosophy. books.google.ru/books?id=ns7OHvK-qycC&pg=PP3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false.
- Ekiert G. (2015). Three Generations of Research on Post-Communist Politics — a Sketch // *East European Politics and Societies*. Vol. 29. No. 2. Pp. 323–327.
- Ekiert G., Kubik J., Vachudova M. A. (2007). Democracy in the Post-Communist World: An Unending Quest // *East European Politics and Societies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 7–30.
- Europe and Globalisation: the dangers and the assets (2013) // Foundation Robert Schuman. The Research and Studies Centre on Europe. European Issue n°296 (02.12.2013). www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0296-europe-and-globalisation-dangers-and-assets.
- Fowkes B. (1999). *The Post-Communist Era: Change and Continuity in Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gill G. (2002) *Democracy and Post-Communism: Political Change in the Post-Communist World*. London: Routledge.
- Globalising Eastern Europe — New Perspectives on Transregional Entanglements (2019) // BASEES Regional Conference. Accessed: <https://www.connections.clio-online.net/event/id/termine-41954>.
- Godnic B., Vodopivec R. (2017). Globalization and integration processes in Europe // *Journal of Universal Excellence*. No. 1. Pp. 1–10. www.fos-unm.si/media/pdf/RUO/2017-6-1/RUO_057_GODNIC_VODOPIVEC.pdf.

- Holmes L. (1997). *Post-Communism: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Kennedy M.O. (2002). *Cultural Formations of Postcommunism: Emancipation, Transition, Nation, and War*. Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Ketels Ch., Skilling D. (2017). *The Future of Europe and Globalization: Where is the Voice of the Baltic Sea Region?* Stockholm: Swedish Agency for Economic and Regional Growth. eufonder.se/download/18.35e3e2bc15c8bd42aa4ae77/1497506152315/The%20future%20of%20Europe%20and%20Globalization%20Where%20is%20the%20voice%20of%20the%20Baltic%20Sea%20Region.pdf.
- Kubicek P.J. (2004). *Organized Labor in Post-communist States: From Solidarity to Infirmity* / University of Pittsburgh Press.
- Magyar B. (2018). *Typology of Post-Communist Regimes* // Seminar November 14, 2018. ias.ceu.edu/events/2018-11-14/typology-post-communist-regimes.
- McDermott G.A. (2003). *Embedded Politics: Industrial Networks and Industrial Change in Postcommunism*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Meurs M. (2001). *The Evolution of Agrarian Institutions. A Comparative Study of Post-Socialist Hungary and Bulgaria*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Pop-Eleches G. (2007). *Historical Legacies and Post-Communist Regime Change* // *Journal of Politics*. Vol. 69. No. 4. Pp. 908–926.
- Potůček M. (2018). *Economic Globalization and the Role of the EU Social Policy as Challenge (not only) for Central and Eastern Europe* // *Social Work and Society International Online Journal*. Vol. 16. No. 2. socwork.net/sws/article/view/568/1115.
- Sznaider L. A. (2016). *Transnational Capitalism in East Central Europe's Heavy Industry: From Flagship Enterprises to Subsidiaries*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Techau J. (2016). *For Predictions on the Future of Europe* // *Carnegie Europe*. January 12, 2016. carnegieeurope.eu/strategieurope/62445.
- Tiostanova M. (2018). *What does it mean to be Post-Soviet? Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire* / Duke University Press.
- Transitions in Central and Eastern European Countries; Experiences and Future Perspectives (2007)* / P. Maldini, D. Vidovic (Eds.). Zagreb: University of Dubrovnik.
- What Eastern Europe Thinks about Globalization (2009)* // *Globalization*. Vol. 101. www.globalization101.org/what-eastern-europe-thinks-about-globalization-2.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrey Medushevsky

doctor of sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow. amedushevsky@mail.ru

POST-COMMUNISM PROJECT IN EASTERN EUROPE: CONTENT, EVOLUTION AND THE CAUSES OF EXPIRATION

Abstract. The outcomes of Post-Communist evolution in Eastern Europe started by the fall of Berlin wall and the collapse of USSR becomes the subject of very controversial debates 30 years after. The growing social disappointment, the rise of conservative populism and the backslide of democracy in many countries of this region makes this academic debate a part of a broad ideological and political struggle over the concept of future Europe and the place of Eastern Europe in globalizing world. At the core of this problematic stay the reappraisal of Post-Communist project — system of values, principles and norms of economic and political transformation in Eastern Europe as well as road-map used by elites for the reconstruction of political legitimacy and reform process promulgation. The author analyses three major aspects of the subject: the substance of the Post-Communist project as a theoretical construction; the evolution of its basic ideas at the passed time, and the results of its fulfillment — positive and negative. The First part of the article concerns more general questions: the content of the definition of Post-communism in current debates; Post-communist Central and Eastern Europe as a global region in geopolitical perspective; contradictions of the transformation period; the so-called “transitions to democracy” and causes of their variety and different outcomes.

Keywords: *Post-Communism, Central and Eastern Europe, global region, transit, democratic backslide, populism, political regimes, ideology, economic and political reforms, legitimacy.*

JEL: A10, F02, F15, N20, P20.

REFERENCES

- Ágh A. (1998). *The Politics of Central Europe*. London: SAGE.
- Bartlett D.L. (1997). *The Political Economy of Dual Transformation: Market Reform and Democratization in Hungary*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Besnik P. (2018). *Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Bunce V. (2003). Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience // *World Politics*. Vol. 55. No. 2. Pp. 167–192.
- Dale H.S. (2005). *Challenges Facing Europe in a World of Globalization* // The Heritage Foundation. Report Europe (November 28, 2005). www.heritage.org/europe/report/challenges-facing-europe-world-globalization.
- Eastern Europe and Globalization (2020) // Information on conference — 2020. www.dwih-newyork.org/en/event/backlash-against-globalization.
- Eastern Europe and the Challenges of Globalization (2005) / T. Buksinski, D. Dobrzansky (Eds.) Washington: The Council for Research in Values and Philosophy. books.google.ru/books?id=ns7OHvK-qycC&pg=PP3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false.
- Ekiert G. (2015). Three Generations of Research on Post-Communist Politics — a Sketch // *East European Politics and Societies*. Vol. 29. No. 2. Pp. 323–327.
- Ekiert G., Kubik J., Vachudova M. A. (2007). Democracy in the Post-Communist World: An Unending Quest // *East European Politics and Societies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 7–30.
- Europe and Globalisation: the dangers and the assets (2013) // Foundation Robert Schuman. The Research and Studies Centre on Europe. *European Issue* n°296 (02.12.2013). www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0296-europe-and-globalisation-dangers-and-assets.
- Fowkes B. (1999). *The Post-Communist Era: Change and Continuity in Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gill G. (2002). *Democracy and Post-Communism: Political Change in the Post-Communist World*. London: Routledge.
- Globalising Eastern Europe — New Perspectives on Transregional Entanglements (2019) // BASEES Regional Conference. www.connections.clio-online.net/event/id/termine-41954.
- Godnic B., Vodopivec R. (2017). Globalization and integration processes in Europe // *Journal of Universal Excellence*. No.1. Pp. 1–10. www.fos-unm.si/media/pdf/RUO/2017-6-1/RUO_057_GODNIC_VODOPIVEC.pdf.
- Gorbachev M. S. (2018). *V meniaiuschemsia mire [In a Changing World]*. Moscow: AST.
- Holmes L. (1997). *Post-Communism: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Kennedy M.O. (2002). *Cultural Formations of Postcommunism: Emancipation, Transition, Nation, and War*. Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Ketels Ch., Skilling D. (2017). *The Future of Europe and Globalization: Where is the Voice of the Baltic Sea Region? — Stockholm: Swedish Agency for Economic and Regional Growth*. eufonder.se/download/18.35e3e2bc15c8bd42aa4ae77/1497506152315/The%20future%20of%20Europe%20and%20Globalization%20Where%20is%20the%20voice%20of%20the%20Baltic%20Sea%20Region.pdf.
- Kubicek P.J. (2004). *Organized Labor in Post-communist States: From Solidarity to Infirmary* / University of Pittsburgh Press.
- Magyar B. (2018). *Typology of Post-Communist Regimes* // Seminar November 14, 2018. ias.ceu.edu/events/2018-11-14/typology-post-communist-regimes.
- McDermott G.A. (2003). *Embedded Politics: Industrial Networks and Industrial Change in Postcommunism*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Medushevskiy A. N. (2015). *Politicheskie sochinenia: pravo i vlast' v usloviach socialnyh transformaciy [Political Writings: Law and Power under Social Transformations]*. Moscow. Centr gumanitarnykh iniciativ.
- Medushevskiy A. N. (2019). *Politicheskaia filosofia M. Gorbacheva i perspektivy novogo mirovogo poriadka [Political Philosophy of M.Gorbachev and the Prospects for a new World Order]* // *Sravnitel'noe Konstitucionnoe obozrenie*. No. 5 (132). Pp. 125–144.
- Meurs M. (2001). *The Evolution of Agrarian Institutions. A Comparative Study of Post-Socialist Hungary and Bulgaria*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Pop-Eleches G. (2007). Historical Legacies and Post-Communist Regime Change // *Journal of Politics*. Vol. 69. No. 4. Pp. 908–926.
- Potůček M. (2018). Economic Globalization and the Role of the EU Social Policy as Challenge (not only) for Central and Eastern Europe // *Social Work and Society International Online Journal*. Vol. 16. No. 2. socwork.net/sws/article/view/568/1115.
- Shishelina L.N. (2010). *Vyshegradskaia Evropa: otkuda i kuda? [Vyshegrad Europe: where to go? Two Decades of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czechia]*. Moscow: Ves' Mir.
- Sznaider L. A. (2016). *Transnational Capitalism in East Central Europe's Heavy Industry: From Flagship Enterprises to Subsidiaries*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

- Techau J.* (2016). For Predictions on the Future of Europe // Carnegie Europe. January 12, 2016. carnegieeurope.eu/strategieurope/62445.
- Tiostanova M.* (2018). What does it mean to be Post-Soviet? Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire / Duke University Press.
- Transitions in Central and Eastern European Countries; Experiences and Future Perspectives (2007) / P. Maldini, D. Vidovic (Eds.). Zagreb: University of Dubrovnik.
- What Eastern Europe Thinks about Globalization (2009) // Globalization. Vol. 101. www.globalization101.org/what-eastern-europe-thinks-about-globalization-2.